

Глава 4. Образ домашней жизни, быт и обычаи жителей края XVII – XIX ВЕКОВ

Характер и нравы жителей края

О образ домашней жизни, быт и внешний облик крестьянина Стародубщины и края во многом известен нам благодаря описаниям, оставленным Марией Косич, Григорием Есимонтовским, Лукой Дудицким-Лишиным.

Крестьяне края, образовав близ польских границ обширные села и будучи выходцами белорусского племени, слились с казачеством, приобрели оттенки, отличающие их от прочих малороссиян, и получили, как уже указывалось, народное название литвинов, то есть выходцев из Литовской Руси.

А.И. Ригельман. Малороссиянин-литвин, 1847 г.

И.Г. Георги. Российский крестьянин, 1799 г.

Характеризуя образ и психологический тип населения края, Мария Косич пишет: «Все северные уезды Черниговской губернии, а именно: Суражский, Мглинский, Стародубский, Новозыбковский и часть Городнянского, по типу населения составляют, как бы переход от Малороссии к России и населены народом, который по характеру, по наружному виду и одежде отличается как от малоросса, так и от великоросса. По наречию же этот край, начинающийся с Могилевской губернии, есть продолжение Белоруссии.

Литвин, как называют его соседи, с виду неповоротлив, движения его медлительны, ходит «як пень теряз калоду», не предприимчив, беспечен, но при нужде трудится много для своего пропитания. А как только минует крайняя нужда, всегда предпочтет гулять, чем искать заработка. Заказанные работы исполняет недобросовестно, «абы як, цяп-ляп». <...> Будучи невежествен и не культурен, он мало уважает чужую собственность и подчас любит «падцибриць (стащить) идзе што плохо ляжиць»¹.

Точное и яркое описание жителей нашего края Марии Косич дополняет помещик Мглинского края Лука Иванович Дудицкий-Лишин. По свидетельству Дудицкого, простой крестьянский народ в обращении с незнакомцами был тих, скромн и весьма учтив. У мужчин было принято, разговаривая со старшими или проезжими, снимать шапку.

«Простой народ учтив, всякому кланяется. В самый лютый мороз, пока говорит со старшим себя или проезжим, мужчина стоит, сняв шапку, с непокрытой головой. Как мужчин, так и женщин приветствие одинаково: «добридень, добривечер, Бог помочь, чалом»; ответ обыкновенно «здравствуй». Когда застанешь за обедом или ужином, полуднем или завтраком (рабочие люди по 4 раза в день едят), то говоришь: «хлеб да соль!» Ответ: «просим хлеба, соля кушать»; сей «Кушайте на здоровье».

В большом почете было гостеприимство.

«Нет ни одного дома, который бы отказал проезжему или прохожему в квартире, или ночлеге, хоть это было среди ночи. Если прохожий беден то, что только лучшего есть из пищи у хозяина не преминет, не из тщеславия, а единственно из добродушия предложит своему гостю, без всякого возмездия, потом постелет лучшую, какая у него есть постель, а там при отходе проводит за ворота, рассказать дорогу и пожелать доброго пути...», – пишет Лука Иванович².

Описывая физические и нравственные качества, образ жизни, одежду и обычаи жителей сельских поселений, Г.Н. Есимонтовский также дает весьма точную характеристику крестьянскому населению края.

Вот как он рисует типичный портрет жителя XVIII – XIX вв. нашего края. «Народ этот роста вообще небольшого и телосложения некрепкого, физиогномия его вялая, глаза не быстрые, лицо, большею частью, круглое, волосы русые, а черноволосые редки; женщины вообще красивее мужчин. Несмотря на слабое телосложение, всякие лишения, нужду и холод он сносит терпеливо, в движениях легок и поворотлив.

¹ Косич М.Н. Литвины-белорусы Черниговской губернии, их быт и песни. – СПб., 1902;

² Дудицкий-Лишин А.И. Краткое описание по всем отношениям, места родины моей – села Нивного. // Календарь Черниговской губернии на 1892 г. – Чернигов, 1891

Семья Парамоновых с. Нивное Мглинского уезда, 1898 г.

Обряды религиозные строго соблюдаются и вообще набожность и нравственность видны в некоторых отдельных селениях, где священники и владельцы поддерживают их собственным примером. Вообще простолюдины нрава тихого, миролюбивого и покорного; хитрость и притворство встречаются часто, примеры же буйства очень редки. Зато беспечность и нерадение проявляются довольно часто и чем беднее семейство, тем беспечнее. Кажется, нужда отнимает у человека всю энергию.

Образ жизни вообще весьма умеренный, особенно в пище. Всякий старается довольствоваться собственными домашними произведениями; купить фунт говядины почитается уже роскошью, или мотовством; скорее сделает это мастеровой или отчаянный бедняк, нежели достаточный хозяин; у последнего всегда найдется к празднику курица, поросенок, баран, или кусок ветчины, или колбасы, а в будни он довольствуется приправою сала или молока.

Обыкновение употреблять хлеб с мякиною, т. е. молоть рожь невяную и из такой муки делать хлеба – со времени распространения картофеля уменьшилось. Однако можно еще видеть достаточного и скупого хозяина, употребляющего круглый год хлеб с мякиною, или с макухою.

В неурожайные годы, когда хлеба мало и он дорог, как было в 1820, 1821, 1833, 1834, 1839, 1840 и 1841 годах; примеси мякины и макухи были общие; но когда, весною, достигает самая большая нужда, то питаются щавелем, снытью и другою зеленью, разваривая и приправляя ее свекольным рассолом, или квасом, в горячем или холодном состоянии; а из муки всякого рода готовится суп, называемый кулешом, который составляет уже несколько питательное блюдо; хлеба же в такое время пекутся только у богатых. Хлебное вино составляет необходимость каждого семейственного важного события: рождения, крестин, брака, и наконец, похорон. Нельзя

пожаловаться на общее и сильное пьянство, но нельзя также умолчать и об одной черте, которая кладет пятно на все народонаселение; кто только пьет вино, тот от дарового никогда не откажется, и готов его пить до самой отчаянной крайности. Кажется, что это происходит от убеждения с детства, что вино есть лакомство, а не от истинного, внутреннего побуждения. Мастеровые, которым скорее попадается копейка, более подвержены пороку пьянства, нежели земледельцы. Способность распродавать вино есть отличительная черта рассеянных по уезду евреев; на них, по справедливости, падает общий упрек развращения народа пьянством»³.

Бедность населения края

Описывая жизнь местных крестьян, Мария Николаевна подчеркивает их крайнюю бедность – в бытовой обстановке, питании, одежде. В 60-е годы XIX в. народ «крепка галадавав». *«Доходило до того, что весной люди ели липовую мезгу, т. е. сдирали кожу с молодых отростков лип, скоблили эти отростки ножом и в получившееся вещество прибавляли ничтожное количество муки лишь только для того, чтобы иметь возможность скрепить и замесить тесто. Из этой массы пекли хлеб, ели и «з голаду ни памирали». <...>*

В те времена чистый хлеб считался роскошью и признаком богатства; большинство же подмешивало в хлеб макуху (выжимку из конопляных зерен) или гречневую муку, которую умели так готовить, что она годилась лишь на обмешку скоту; так как ее мололи подсушенную в овине, то оболочка зерна перемалывалась в порошок и делала муку жесткой и черной».

Однако во многом недостаток хлеба в прежние годы объясняется тем, что помещики часто весь чистый хлеб перегоняли на водку. Оттого в те времена легче было быть пьяному, чем сытому.

Только в конце 70-х годов некоторые помещики начали выписывать разные сорта скороспелой и кормовой картофели, тогда только и крестьяне принялись за ее посевы.

«Попробовали: якава и яна на укус; ничаво, йета отрава смашная. «Не прочь были бы кое-когда и стащить ея у пана мешок—другой, наконец испытывали по трохи и сами сеяць», но все-таки не могли сами додуматься до того, чтобы расширить свое картофельное хозяйство».

Распространение посевов картофеля во многом способствовало сокращению масштабов голода среди жителей края: *«з тых пор мы пярестали галадаць як пачали болий занимацца севбой бульбы, при йой и хлеба мений сходзя и сыт чалавек».*

Дед Марии Косич, Герасим Матвеевич Силевич, ежегодно 8-го мая, на Ивана Богослова, по обету, завещанному его прадедом, кормил нищих и всех, кто являлся в этот день на незатейливый обед.

«8-го мая с раннего утра на траве большого панского двора, на крыльцах жилых и нежилых построек, – всюду лежали и сидели люди разных полов и возрастов, со

³ Есимонтовский Г.Н. Описание Суражского уезда Черниговской губернии. – СПб, 1846

своими ложками за пазухой. <...> Варили в казане, при сукновальне, гречневую жидкую кашу, заправленную в постный день елеем, а в скоромный—салом.

Среди же двора, во всю длину, были расставлены в несколько рядов новые, чистые корытца. В этом и состояла вся сервировка для гостей. Как только каша была готова, сами гостя, ведрами, на коромыслах носили ее с мельницы во двор и разливали в корытца.

Перед этим одна из дочерей Силевича лично отправлялась в амбар для раздачи хлеба, которого напекали несколько засеков. Вот была наглядная картина борьбы за существование. Каждый старался протиснуться вперед, сбивая с ног и топча падающих на пути. Надо было видеть эту толпу с протянутыми руками за куском черствого хлеба!

Приказчик и несколько дворовых крепостных исполняли роль полицейских, отстраняя некоторых назад и обличая тех, которые подходили за хлебом по несколько раз, уверяя, что они еще ни крошки не получили.

Иногда в неурожайные годы в этот хлеб подмешивали простой гречневой муки, от чего он выходил черный и жесткий. Жидкая каша имела мало вкуса, но гости ничем не брезгали и через полчаса корытца были пусты»⁴.

Трудно было жить не только крестьянам. Из-за отсутствия действующего законодательства страдали и помещики. Об этом свидетельствует, например, следующая местная история, описанная Марией Косич.

«В Новозыбковском уезде сосед отнял у соседа целую деревню. Обиженный решил отстаивать свою вотчину до последних сил и добрался до Питера с челобитной пред лице самой матушки царицы. Загорелось дело. Из столицы были посланы на следствие чиновники, но пока последние доехали до места преступления, спорная деревня исчезла с лица земли. Обидчик сжег ее, место, где была деревня, распахал и засеял рожью. Расследование, конечно, было учинено не без лицеприязни, ибо следователи донесли кому о сем ведать подлежит, что деревни вовсе не оказалось в натуре, и что истец затеял тяжбу о несуществующем имени по причине своего малоумия».

Денег у местного населения практически не было – чаще всего при необходимости что-либо приобрести, нужный товар просто меняли на другой. Отсутствием денег у жителей края умело пользовались евреи, держащие корчмы, или постоялые дворы. Они часто обманывали местное население, когда нужда заставит взять в долг сколько-нибудь денег для уплаты государственных податей или для домашней потребности вина, горелки, муки, хлеба на семя и проч.

Лука Дудицкий в качестве примера приводит такой случай.

«Есть здесь один казак Василий Белик, отец которого занял 25 рублей, 4 четверика гречихи и два пуда ржаной муки, через семь лет, по смерти отца, насчитал жид на него 310 рублей, а как денег у него не было, то взял с него облик, т.е. ввязал его в двойной платеж. По истечении года, внесен был облик в поветский суд, к взысканию. После всех расчетов, вся земля Беликова и жилой дом отданы за 600 руб. жиду, а еще бедный Белик рублей 200 должным ему остался».

⁴ Косич М.Н. Литвины-белорусы Черниговской губернии, их быт и песни. – СПб.,1902;

Когда летом в деревню наезжают цыгане, прося в гумне, или сарае несколько недель пожить, то тоже обманывают и воруют: меняют лошадей всегда с придачей, вороват – бобами, костью, решетами, картами и пр. Смотри на черты рук, предсказывают счастье и несчастье, богатство и бедность, плодородие и недороды, любовь и ненависть, долгоденствие и краткость жизни. Без всякой надежды влюбленным дают притягательные травы, и всяким разным образом туманят простолюдинов. Однако за исполнение любого предсказания полагалось дать или денег, или хлеба, или платья или чего иного.

Одежда

В XVIII – XIX веках на всей территории обитания русского народа сохранялся единый тип одежды весьма древнего происхождения. У мужчин это кафтан, балахон, рубашка, порты (зимой еще и подштанники), онучи, лапти, шляпы, шуба⁵.

Традиционной верхней одеждой в крае был кафтан. Он был прямого покроя, без талии (приталенные кафтаны с клиньями в полах встречались редко), длина доходила до самых колен (иногда полы кафтана доставали икры ног). Кафтан шился без карманов, без обшлагов на рукавах, без разреза задней полы, то есть покрой его был предельно прост, и сшить его могли сами крестьяне.

«Везде и всегда литвин носит свой излюбленный кожух, затем суконный чекмень (свитка), сшитый свободно, не в талию, на манер древняго ферьзя и «падпирязуецца» (опоясовывается) поясом из овечьей шерсти, окрашенной сандалом. Более легкий костюм шьется из того же толстого сукна, только покороче чекменя, в талию, с двумя-тремя фалдами сзади. <...>

Сапог попадает в этом краю очень редко, его заменяет лапоть. Самодельная поярковая шляпа, без полей, называется «магерка», а с полями – «бриль» и употребляется во все времена года», – пишет Мария Косич.

Крестьянская рубаха была простейшего покроя, длиною до колен. Носилась она навывпуск, поверх штанов, подпоясанная ремнем или тесьмою. Шили рубахи из льняной или посконной ткани (из волокна конопли), а также из хлопчатобумажных тканей с широкими рукавами, без воротников. В одежде мужчин присутствовал крайний рационализм и бедность, никаких излишеств, максимальная приспособленность к особенностям климата и, наконец, «домашнее происхождение» одежды, большую часть которой шила крестьянская семья. Отсюда ее мешковатость, простота кроя.

Порты шили из холста с неширокими штанинами, которые держались на продернутом в закрытом шве шнурке. Кроме холста штаны шили из пестреди (нитяной ткани, в которой основа была крашеной, а уток белым или наоборот). Длина штанины была до щиколоток. Зимой для тепла надевали подштанники.

⁵ Милов А.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. – М., 1998

*Кафтан со стоячим воротником,
Этнографический музей, 1867*

*Женский кафтан из светлой ткани,
Этнографический музей, 1867*

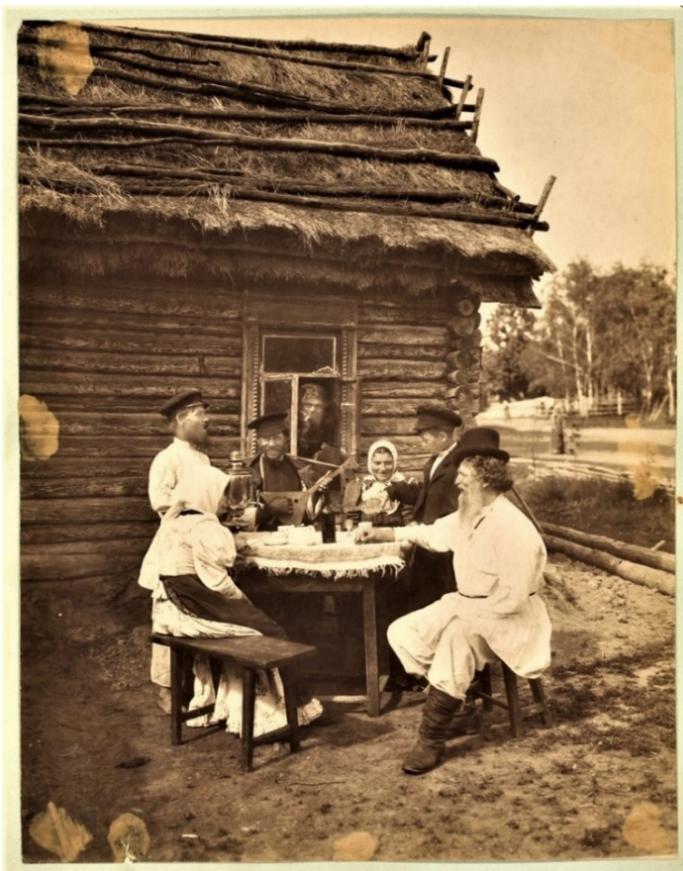
Типы летней крестьянской одежды. Черниговская губерния, с. Пакуль, 1903 г.

Одевались мужчины и женщины довольно опрятно и просто. Одежда праздничная – новая, а будняя – старая. У мужчин свита или кафтан – белые, серая

или черная шуба, летом – шляпа, у некоторых маргелка (валенная), зимой шапка, цветным сукном или плисом крытая.

Крестьянское чаепитие

Группа крестьян за обедом

Праздничный семейный обед в Малороссии, 1916 г.

Штаны зимой суконные, а летом полотняные, пояс редко домашний, но почти всегда купленный, рубаха льняная, в праздничные дни на шее платок, а в будни шея голая.

«Головы прежде подгаливали, наподобие запорожских казаков, только немного ниже, а теперь подрезывают волосы кружком, чтобы глазам не мешали; бороды бреют, некоторые носят усы, стариков с бородами и усами мало», – пишет Мария Косич.

Зимою мужики носили овчинные шубы. Как правило, это были «короткие овчинные тулупы, большей частью нагольные». Тулупы были прямого, русского покроя с шалевидным воротником, без пуговиц и крючков. Подпоясывались тулупы обычными суконными покроями, представляющими собой узкий, отрезанный от домотканого сукна край ткани, или специальным кушаком.

Наряду с шубами-полушубками или тулупами в XVIII в. были в употреблении и тулупы в современном понимании этого термина. Это шубы, широченные как халат, длиной до пят, с откидным воротом, застегивающиеся на обе стороны на крючках. В крестьянской жизни длиннополые шубы необходимы были в первую очередь в зимних извозах и деловых поездках. Такие шубы часто были достоянием всей семьи (да и тулупы были такого кроя, что их могли носить и мужчины, и женщины).

В женской крестьянской одежде разнообразия несравненно больше, чем в мужской. Правда, основные типы одеяний очень немногочисленны и стандартны. Это сарафан, рубаха, телогрея, понева, зипун, онучи, лапти и шуба. Разнообразие и декоративность одежды достигались усилиями самих женщин: вышивкою разноцветными нитями и наложением разного рода декоративных материалов и прочих украшений.

Женская рубаха чаще всего из льняной ткани (а на юге – из поскони, то есть «толстого холста»)⁶. Шилась она «с долгими рукавами, от плеча широкими, а к кисти – узкими, вышитыми разных цветов бумагою, а у некоторых – шелком». Сами рубахи, как правило, были тоже длинными. В южнорусских краях, там, где в летнюю пору девушки ходили в одних рубашках, «подол рубахи также бывает вышит бумагою или шелками»⁷.

«Поверх рубашки, – пишет Гильденштедт про одежду женщин, – оне надевают сарафан, не имеющий рукавов, опоясываются поясом». Для тепла на сарафан женщины надевали разного рода душегрейки, телогрейки, шубейки и т.д. По покрою женские овчинные шубы практически не отличались от мужских. Покрывать тканью шубу – дело не дешевое. Поэтому часто женщины ходили в одних нагольных шубах.

Описывая женский наряд края Мария Косич сообщает: *«Женщины также носят шубы, непокрытые материей. Удивительно, что иногда в жаркий день можно заметить в церкви некоторых женщин, одетых в свои новые, как снег, беловыделанные*

⁶ Гильденштедт И. А. Дневник путешествия в южную Россию академика Санкт-Петербургской Академии наук Гильденштедта в 1773-1774 гг. // Записки Одесского общества истории и древностей. 1879. Т. 11.

⁷ И.Г. Георги. Описание всех в Российском Государстве обитающих народов, Ч. IV – СПб, 1799.

овчинки, сшитые с перехватом в талию и украшенные на спинных швах у пояса ярко красными шерстяными латками, вершка в два в форме червонаго туза. <...> Сверх белой рубахи с широкими рукавами надевается сарафан, по-местному – «саян» или «сподница».

Женский костюм края, 40-е годы XX века

Девушка в саяне

Шерсть на саяны женщины сами прядут, ткут, весной валят на валюшне при мельнице и затем отдают «мнильнику»-еврею, который поселяется специально с этой целью в одной из окружных деревень и за самую скромную плату делает серые саяны синими, фартуки и пояса красными. Для праздничных нарядов юбки иногда окрашиваются в зеленый цвет, тогда нашиваются по всей материи в беспорядке клочки красной шерсти, в вершок длины. Это и есть «мушкованная сподница». Сверх саяна и фартуха все обязательно «подпирязывающа» шерстяным поясом или, вернее, шарфом, невзирая ни на какую жару. Кроме того, надевают еще поверх рубахи преимущественно черного цвета корсет или юбку (тот же корсет, только с рукавами)».

Есимонтовский в этот образ одежды жителя края добавляет новые краски, сообщая, что вся она «состоит из собственных, домашних изделий. Главную ее часть у мужчин составляет свита (кафтан, зипун), из домашнего сукна; покроя ее похож на казакин без сборов, или на нынешнее пальто. Она коротка, не доходит до колена, воротничок имеет стоячий, очень низкий, спереди сверху застегивается одною пуговкой, большую часть, кожаную, и далее стягивается шерстяным поясом домашнего же изделия; – по бокам карманы. Цвет ее, большую часть, белый, так как порода овец белая. Рубаха домашнего же холста шьется с прямым и широким воротом и застегивается спереди.

Зимой под свиту надевается коротенький полушубок, суконные штаны и такие же рукавицы. Женщины обвертываются до пояса поневою – (кусоч шерстяной цветной ткани, вдвое сложенный, собственного изделия), с холщевым западом, или

передником. В праздники исподница из шерстяной же узорчатой ткани, называемой мухояром, заменяет поневу. Выходя на работу, или куда бы ни было из дому, надевают коротенькую, суконную кофту, называемую свиткою или юбкою, под которую зимою бывает такая же шубка.

Поясная женская одежда, XIX в.

Летняя женская одежда, 1909 г.

Длинные свиты и шубы у женщин редко видны и составляют только часть приданого невесты, а в других случаях едва ли когда делаются. В обыкновенное время женщины повязывают голову белым холщовым платком, по чепцу (ватированной шапочке); в праздники платок бывает цветной, бумажный, и т. п. Национальный же головной убор составляет наметка, или кусок белой, тонкой ткани, узко сложенной. Она обвивается вокруг головы несколько раз и спереди составляет вид кокошника, а сзади оканчивается двумя висячими концами; но этот наряд употребляется более пожилыми, и кажется, выводится, а молодежь носит разноцветные платки».

Какой реально была одежда наших предков можно видеть на фотографиях Сергея Михайловича Прокудина-Горского – шедеврах цветной фотографии XIX-начала XX в. На его снимках нас завораживает замечательная яркость красок нарядов наших предков, как это, например, видно в серии фотографий крестьянских девушек.

К концу XIX в. стала заметна такая перемена – летом вместо прежних шерстяных тканей деревня пестрела всевозможными ситцами, бумазейками, кретонами, хотя фасон и покрой сохранились неизменно прежними.

С.М. Прокудин-Горский. Крестьянские девушки с ягодами, 1905-1915

С.М. Прокудин-Горский. Обед на покосе, 1909

С.М. Прокудин-Горский. Семья поселенца, ок.1900

У колодца в Малороссии

«В замене прежних мушкованных сподниц нередко надевают уже саян из критону «бурдяного цвету». В мужской одежде, наоборот, овечье сукно осталось, как и было, но вместо прежней юбки появился настоящего фасона пиджак. Люди пожилые о нем такого мнения: «Правда пиджак аккуратный и меньше сукна идзе на його, но зато старую юбку як даношишь – на анучи нарвешь, а с пиджака анучи вузки будуць», – пишет Мария Косич».

Одежда для деревенской девушки много значила. Тем более праздничная - на выход, сватовство, свадьбу. Из-за нее не спали ночами, зарабатывали деньги, подряжались в работу.

В 70-х годах XIX века Натадью Шабельскую великолепием расцветок одежды поразила Нижегородская ярмарка. И с тех пор она ездила по деревням собирая образцы женского русского костюма. К 1904 году ее «Музей старины» насчитывал 20000 предметов. Эта уникальная коллекция женских костюмов Натальи Шабельской была переданная Русскому Этнографическому музею, что и позволяет нам сегодня увидеть яркие краски старинных женских нарядов, как говорится, «живьем».

В праздник некоторые девицы носили чулки и башмаки. Все девицы заплетали косы, иногда в две косы, и оборачивали кругом головы, полагая между ними ленточку разных цветов. Замужние женщины никогда косы не носили, но с первого дня свадьбы подбирали их вверх, накладывая на них чепец, а поверху «наметку». Замужней женщине считалось большой неучтивостью показывать кому-либо открытые волосы, поэтому их убрали под платок.

Коллекция Натальи Шабельской. Костюм крестьянки в древнерусской юбке-поневе с поясом, начало XX в.

Коллекция Натальи Шабельской. Зимний костюм: шуба с мехом, муфта в руках; кокошник на голове

Мария Косич пишет: *«Женщине быть с непокрытой головой в присутствии мужчины, а в особенности при куму крепко «соромно» (т.е. очень стыдно). А потому голову она тщательно одевает в повойник или чепик из ситцу или из шерстяной материи и сверху повязывает платком на подобие чалмы.*

Евгения Павлюкова. Девушки XXI в. в старинном крестьянском костюме XIX в.

В некоторых селах существует мода повязывать голову с «хлипом», т.е. на затылке оставляется висячим угол платка. Более молодые повязываются с «рожками», т.е. делают из платка на темени узел со стоячими кончиками в виде рожков.

Незамужние женщины хотя и заплетают косу с лентой навывпуск, но голову также повязывают платком, только без повойника, сверх повязки «обпинаюцца» еще другими небольшими платочками, а в праздничные дни «затыкаюць краски» (цветы) на голову за узел платка против лба. Шею и грудь украшали «кралями», бусами».

Не имея никогда гроша в руках молодежь, тем не менее, не обходилась без предметов роскоши, и, все-таки, находила возможность украшать себя. Для этого по деревням несколько раз в год ездил на лошади «карявошник» и кричал: «Девки, бабки, несите тряпки, карявки!». Тогда и начиналась меновая торговля. Ему тащат все: и старые онучи, и кости, и яйца, щетину и льняное семя, а взамен получают сережки, перстни, кораллы, ленточки, иголки, красную заболоть для вышивания.

Необходимо отметить, что огромный вклад в изготовление праздничной, да и повседневной одежды вносила сама женщина, ибо она и пряла, и ткала, и шила сама. Эту суровую долю русской женщины отметил в конце XVIII в. И. Георги: «Они весьма пекутся о чистоте в доме, прядут на самопрялках и на пряслице, ткнут холстину и сермяжные сукна на станках... белят, валяют, красят, вяжут кружева... для утиральников и повязок, делают войлоки, стряпают кушанье, пекут хлебы, смотрят за домашнею живностью и вообще больше всех других европейских поселянок упражнены, можно сказать, до излишества, ибо сверх работ своих во весь почти год отправляют на дому и в поле те же работы, что и мужчины, выключая немногих».

И. Георги не стал раскрывать тяжелую полевую работу великорусских женщин, но Милов Л.В. этот перечень существенно дополняет: «Женщины чрез зиму прядут, кормят мелкую скотину и мужчинам в присмотре за крупною помогают. С марта по июнь ткнут холсты и сукна, вышивают гарусом ширинки и платки, в огородах копают, сажают овощи и помогают мужчинам в чищении лугов. В июне возят навоз и оный разбивают. В июле ходят на сенокос, лен полют, потом выбирают и рожь жать начинают. В августе продолжают жнитво, выбирают и стелят лен, овец стригут. В сентябре дожинают хлеб, огородные овощи убирают, мнут и треплют лен. В октябре и ноябре пособляют молотить»⁸.

А вдовы еще и папсут, и боронят, и сеют. Да и в некоторых районах в обработке земли участвуют и все женщины. А в «несемьянистых хозяйствах женщины и косят, а иногда папсут». И так на Руси было многие столетия.

Именно поэтому сельский уклад жизни создал как некую компенсацию обычай, допускающий щегольство, хотя и весьма скромное, русской женщины-труженицы. Именно поэтому крестьянская семья шла на некоторые траты, «но не столько от необходимости, сколько для щегольства и украшения».

⁸ Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. – М., 1998

Милов Л.В. в своей книге «Великорусский пахарь ...» отмечает, что крестьянские жены *«ткут холсты, шьют рубашки, как на мужей, так и на детей. Дочери ж – девки – должны сами одеваться, а поэтому и сажают их по десятому году за гребень»* (то есть за прядение льна).

С осени примерно до марта женщины чесали лен и пряли. *«Крестьянка в неделю отпряжет льну два фунта. Из тонкой пряжи выткается 3 аршина, из толстой – пять. А в зиму нарядет она на 80 аршин по цене 5–6 руб.»* С марта женщины начинают ткать холсты и полотна. «Прилежные крестьянки» ткут за 3 месяца от 50 до 80 аршин холста (то есть от 36 до 57,6 м).

Ориентируясь на производительность крестьянского ткача, при 11-часовом рабочем дне чистого труда, делающего узкое полотно длиной в 60 аршин за 46 дней ткачества при 9 днях подготовительных работ, можно оценить трудозатраты этих крестьянок. На изготовление 50 аршин при ежедневной 11-часовой работе необходимо 45 дней (36 м ткани, 80 см в день). И это при условии полного освобождения от других работ и забот. Но ведь от них крестьянку никто не освобождал. В итоге получается, что, ведя все работы по хозяйству и делая 50 аршин за 3 месяца, крестьянка ежедневно должна была тратить на ткачество 5,5 часа. Все эти расчеты, основанные на реальных данных, свидетельствуют о воистину каторжной нагрузке русских крестьянок.

Однако, чтобы получить качественный холст, надо еще много труда положить, чтобы придать ему товарный вид. Вот лишь один из рецептов обработки (беления) домашнего холста:

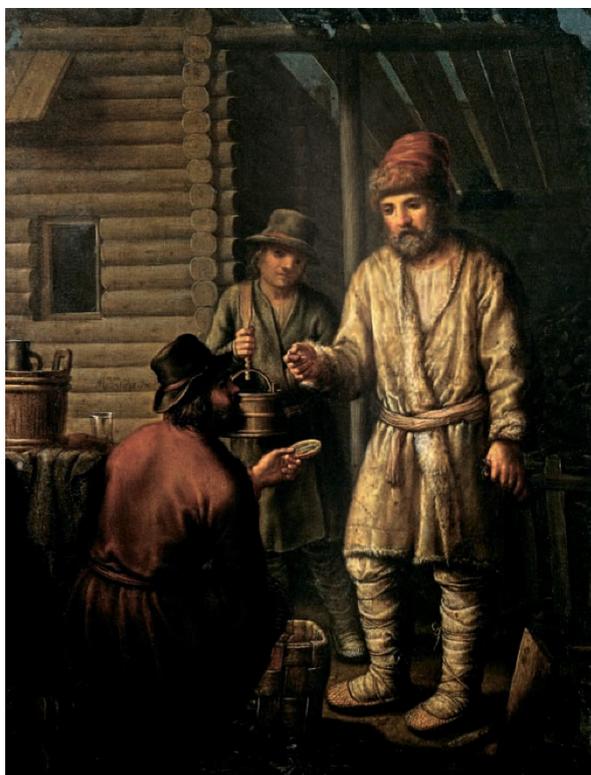
«Лутчее время зачинать белить майя с первых чисел... Сваря щелоку помочить в оном сутки и вынув вымоют в чистой воде или вместо того положат в гущу квасную на сутки. И выняв вымоют в чистой воде и высушат. Потом наболтав песку, то есть золы, в теплой воде в кадке так густо, чтоб к руке льнуло, и в том помочат, обваляя всю холстину, и положат в корчаги и нальют с той кадки щелоком и поставят в печь на сутки. И выняв песок или золу, смоют чисто и постелят на лужу дни на 4 или на 5. А потом позоля так же, как выше написано, поставят на сутки в корчаге в печь, вынут и смоют в воде и постелят на траву на 5 дней. И всякой день бережно колотят и опять на траву постилают. И ежели покажетца еще суровато — так же парить один раз. Только смотреть, чтоб золою не проедало и желтых пятен не было. И для того чисто сполоскать и на траву разстлать. Потом чрез пять дней возмут березовой золы, просеют ситом и, занеся комами плоскими в кадке, положат в печь на дрова и зажгут. И, как раскалитца, нальют в кадку кипятку и ту перезжоную золу в комах положат в кипяток по розмеру, размешают и тое холстину помочат. Потом положат в корчагу и, долив щелоком, поставят в печь на сутки. А ставят в такой жар, как хлебы садить надлежит. И выняв и вымыв чисто, выколотят (бережно) и зделают квасы, положи в сыворотку овсяной муки, заквасят. И в тот квас холстину кладут сутки на двои. А буде желта – на трои. Потом, чисто вымыв, высуша, наболтают в корчагу мыла, положат в нее холст, поставят в горячую печь с утра до вечера, и выняв, вымыв начисто высушат и скатают».

Вот так и завершается долгий труд русской крестьянки, связанный с проблемой изготовления крестьянской одежды. Одежда и особенно украшения

для женщин были предметом особых забот, и тут часто денег не жалели, хотя достигались женские наряды далеко не просто. Однако весьма важно, что основные компоненты одежды крестьянские женщины создавали своим трудом за счет сна и отдыха.

Головной убор

Самая живописная деталь мужской крестьянской одежды – головной убор. *«Шляпы очень редки, а обыкновенно употребляются войлочные ермолки, продолговатой фигуры, вверху закругленные, называемые маргелками: они очень покойны и дешевы, и служат, как для лета, так и для зимы, и только в самые сильные холода и метели употребляются ушатые бараньи шапки, с суконными верхами»,* – отмечает Косич.

И.Я. Меттенлейтер. Крестьяне и торговец пирогами, 1780

цветов лентами»⁹.

Особое внимание головным уборам – самой заметной части любого костюма – уделяли женщины. Головные уборы женщин были чрезвычайно разнообразны, но всегда чётко делились на девичьи и уборы замужних женщин. Женский головной убор должен был полностью покрывать голову. Девушки могли украшать голову одной лентой, как это видно на фотографии.

В работе художника И.П. Аргунова мы видим образ крестьянки в праздничном девичьем костюме конца XVIII в. Наряд крестьянки включает

Детальное описание типичной для всего Нечерноземья зимне-летней шапки находим в описании Владимирской губернии. *«Шапки носят или того же сукна (что и кафтаны, – Е.Л.), или другого цвета, высокие, наверху коих четверугольная площадка с небольшими рожками, а внизу опушенная или мерлушкою, или всегдашняго употребления черною овчиною, на коей два разреза с небольшими мысами». И. Георги, в частности, писал: «Шапки зимою, а часто и летом – высокие суконные или плисовые синия, коришневые с околышем: узеньким овчинным или другого какого меху; летом – круглые поярковые (то есть валеные из молодой шерсти, – Е. Л.), с высокою кверху расширяющею тульею, черныя, увязанныя разных*

⁹ И.Г. Георги. Описание всех в Российском Государстве обитающих народов, Ч. IV – СПб, 1799.

расшитый золотыми нитями венец, красный сарафан, тонкую белую рубаху, яркие украшения. Её мягкие черты лица, приветливая чуть заметная улыбка и спокойная поза – всё подчёркивает скромность, открытость и доброту женщины из народа.

Повседневный верхний головной убор – «повойник». Это полотнище, обвитое сверх волосника. Самый распространенный головной убор женщины – это платок. В будни женщины повязывались и просто белыми холщевыми платками, и, так же как и в праздники, могли повязываться «бумажными, или шелковыми платками».

Незамужние девицы на голове носили платки и венцы. Замужние – кокошники и кички разнообразных видов. Эти сложные конструкции на берестяной основе изготавливали специальные мастера при церквях или ремесленных лавках.

Лента на голове девушки

И.П. Аргунов. Портрет неизвестной крестьянки в русском костюме, 1784

Широко распространенным головным убором женщин была кокошник. Кокошник – это верхняя часть головного женского убора. В качестве нижнего головного убора выступал «волосник» (род шапочки, чепчика, называемого иногда «зборником»).

Коллекция Натальи Шабельской. Бархатное пальто; головной убор кичка; на нём налобная сетка-подлизь из жемчуга и рубленого перламутра, начало XX в.

Коллекция Натальи Шабельской. Крестьянка в прямом сарафане, сверху бархатная душегрея, расшитая золотной нитью. На голове кокошник укрыт платком, на шее ожерелье из рубленого перламутра, начало XX в.

Обувь

Самой распространенной обувью крестьянина края были лапти. В начале XX в. Россию нередко называли страной «лапотной», вкладывая в это понятие оттенок примитива. И неслучайно. Вся русская деревня круглый год ходила в лаптях. Лапти, ставшие своего рода символом, вошедшим во множество пословиц и поговорок, традиционно считались обувью бедной части населения.

Лапти представляли из себя башмаки, которые плели из узких полос коры и подвязывали веревками. Лапоть был неглубоким, с относительно коротким носком и закреплялся на ноге особым способом. В задник вплеталась петля, в которую продевали тонкую лыковую веревку. Ею обматывали ногу крест-накрест и завязывали под коленом.

Сначала крестьяне наматывали себе на ноги онучи (серое полотно или сукно длиной аршина в два-три), которые начинали увивать с пальцев ног по самое колено, а после, надев лапоть, веревками закрепляли обернутое около ноги сукно. В летнюю пору в ходу были белые холщевые онучи. Зимой же на ноги навивали и те, и другие, то есть поверх холщевых еще и шерстяные.

Русские лапти

Лапти плели в основном из лыка липы косым плетением. Для заготовки лыка выбирались взрослые, ровные, высокие липы. Нередко после суммарной потери коры, пригодной для плетения, дерево стояло с голым «ободраным» стволом. Это нашло отражение в русском языке в виде образного выражения «ободрать как липку».

С коры снимали верхний слой, а пласты нижнего нарезали узкими длинными полосами. Из них и плел крестьянин лапти с помощью простого инструмента – шила. Свой цвет лапти приобретали после опускания в горячую воду.

«Обувь состоит из лаптей двух родов: одних легких, летних, собственно так называемых лаптей; они плетутся из липовых, или

вязовых, нечищенных лык, разрезанных тонкими полосками, и весьма легко переплетаемых на руках, без колодки, и других, называемых похлоплями, – обыкновенных русских тяжелых лаптей, употребляемых зимою в дальних путешествиях».

В нашем крае лапти имели аккуратно выплетенную округлую головку, высокие задники и оборы, продернутые через отверстия в бортах. Их в нашей местности называли охлопни¹⁰.

Другая разновидность домашних лаптей – коверзни. Их плели из коры ивы. Они были жесткими, не имеющими обор для закрепления на ноге, практически без задников.

И еще один вид лаптей, встречающийся в нашей местности – чуни. Их изготавливали из пеньковых веревок путем очень частого плетения. Они были мягкими, удобными, но носить их можно было только в сухую погоду или дома.

Чтобы укрепить и утеплить лапти, крестьяне подшивали их подошвы конопляной веревкой. Иногда делали подошву из кожи. Еще для тепла в лапти подкладывали сена. В таких лаптях ноги не промерзали и не промокали.

¹⁰ Голик Н.А. Унечский народный костюм, https://museum-unecha.ucoz.net/publ/issledovaniya/issledovaniya/unechskij_narodnyj_kostjum/2-1-0-25

Сапоги, отличавшиеся от лаптей удобством, красотой и прочностью, для большинства крепостных крестьян были недоступны. При этом сроки службы плетеной обуви были весьма коротки, об этом свидетельствует поговорка: «В дорогу идти, пятеры лапти сплести». Зимой мужик носил одни лапти не более десяти дней, а летом в рабочую пору стаптывал их в четыре дня.

Сапоги, в частности, шили из кожи, выделанной на дегте или ворванном сале – жир, добываемый из сала морских млекопитающих (китов, тюленей, белух, моржей, дельфинов), а также белого медведя и рыб. Длинные, выше колен голенища оставались сыромятными. Это была довольно громоздкая, но прочная обувь. Сапоги, как мужские, так и женские, часто подбивались железными или медными скобами.

Отмена крепостного права разбила вековые старорусские крестьянские общины, где все решалось и распределялось поровну. Возникли волости и новое волостное начальство со своими атрибутами власти в виде нагрудных зачков и стилем одежды¹¹.

Волостное начальство. Слева направо – волостной старшина, староста, сборщик податей, сотский.

¹¹ http://russiahistory.ru/volostnoe_pravlenie_18611917/

Одежда – важнейший признак богатства или бедности социума в целом – свидетельствует о весьма скромных возможностях российского общества. Суровые природно-климатические условия объективно требовали существенно больших расходов на одежду сельских жителей, чем в большинстве регионов Западной Европы. Однако у сельских великорусов таких средств не было. В итоге весь народ деревенский, несмотря на суровую зиму и слякотную осень, ходил в лаптях и толстенных онучах. Крестьянские пшубы были в ходу и зимой, и летом. Одежда носилась до последней возможности, что отразилось даже в пословицах и поговорках (*«сапоги каши просят», «сапоги смазаны и дыры замазаны»* и т.п.).

И.А. Гильденштедт удивленно подчеркивал, что поселяне *«вместо сапог носят лапти, а ноги они обвертывают толстыми шерстяными тряпками»*. Лапти и онучи, вызывающие ошеломленное удивление иностранцев, в сложившихся психологических стереотипах находили полное оправдание (зимой в двойных онучах казалось теплее, чем в сапогах). Гибкая приспособленность русских людей поразительна.

